

Анатолий Шигапов

**СВЕТЛЫЙ МАЙК
И
МУЗЫКАЛЬНЫЙ
БУМ 8.0.**

Светлый Майк

Анатолий Шигапов

**СВЕТЛЫЙ МАЙК И
МУЗЫКАЛЬНЫЙ БУМ 8.0.**

«Автор»

2026

Шигапов А.

СВЕТЛЫЙ МАЙК И МУЗЫКАЛЬНЫЙ БУМ 8.0. /

А. Шигапов — «Автор», 2026 — (Светлый Майк)

Вы когда-нибудь пробовали объяснить рокеру, что джаз — это тоже музыка? А поп-звезде, что можно петь без автотюна? Светловым — пришлось. Новое приключение начинается с золотистого сигнала кофеварки, который семья игнорировала целых два месяца. Но когда даже Громов заскучал и перестал ворчать, стало ясно: пора. Галактика Ладога встречает гостей хороводами, балалайками и запахом берёз. Идиллия рушится в момент, когда на фестиваль начинают съезжаться музыканты со всей вселенной. Рокеры, поп-звёзды, джазмены, любители попсы, классики, а капелла, мюзикл, блюз и симфо-металл — каждый считает свой жанр лучшим, и каждый готов это доказывать. Смогут ли десять враждующих жанров сыграть на одной сцене? И главное — поможет ли это спасти галактику от разрушения?

© Шигапов А., 2026

© Автор, 2026

Анатолий Шигапов

СВЕТЛЫЙ МАЙК И МУЗЫКАЛЬНЫЙ БУМ 8.0.

Книга восьмая:

СВЕТЛОВЫ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ БУМ

(или Как мы устроили фестиваль всех жанров и чуть не поссорили вселенную)

«Говорят, что музыка объединяет народы. А в нашей семье музыка сначала чуть не перессорила всех, кого можно, а потом, благодаря бабушкиным пирожкам, всё-таки объединила. Теперь мы знаем: рок, попса, джаз, классика и народные песни могут звучать вместе. Главное – чтобы под рукой был половник и запас пирожков. И чтобы Громов не фальшивил слишком громко.»

– Из дневника Михаила Светлова (Светлого Майка)

Посвящается

Родителям

Мама и папа, вы – те, кто научил нас печь первые в жизни пирожки. Пусть они были кривыми и подгоревшими, но вы ели их и говорили, что это самое вкусное, что вы пробовали. Помню, как в детстве мы возились с тестом на кухне, и вы терпеливо объясняли, что муки нужно ровно столько, чтобы тесто перестало липнуть к рукам, но не превратилось в камень. Вы никогда не говорили: «Это невозможно», а только: «А давай попробуем». Без вас не было бы ни Светловых, ни галактик, ни этой книги.

Вы первыми поверили в наши истории, даже когда мы рассказывали про динозавров в школьном дворе и про то, как Громов случайно открыл портал в ванной. Вы не смеялись, вы слушали. И только потом, когда мы уходили, тихо переглядывались и вздыхали: «В кого же они такие?» – но в ваших глазах всегда светилась гордость.

Спасибо вам за то, что в любой ситуации вы были на нашей стороне. Даже когда соседи жаловались на странные звуки из нашей квартиры, вы просто говорили: «Это наши дети экспериментируют с реальностью. Всё под контролем». И никто не догадывался, что вы сами до конца не понимали, что значит «экспериментируют с реальностью».

Вы – наши первые читатели, наши первые критики и наши главные болельщики. Эта книга – про вас. Потому что Светловы – это вы. И дед с его безумными изобретениями – это от вас. И бабушка с её пирожками – это тоже вы. Всё, что мы умеем, всё, что мы делаем, – всё родом из нашего детства, из ваших рук, из ваших слов.

Спасибо, что научили нас главному: что даже если галактика рухнет, главное – чтобы семья была рядом. И пирожки.

Семье

Нашей большой, шумной, безумной семье. Тем, кто собирается за одним столом по праздникам и без, кто делит пирожки и проблемы поровну. Вы – наша вселенная в миниатюре. И пусть в ней иногда случаются чёрные дыры и взрывы сверхновых, мы всегда знаем, что гравитация нашей любви удержит всё на своих местах.

Семья – это не просто слово. Это когда в три часа ночи можно позвонить и сказать: «У нас тут портал открылся, не приедете посмотреть?» – и они приедут. С пирожками, естественно. Потому что без пирожков какой портал?

Это когда бабушка печёт пирожки на всю армию, потому что «вдруг гости будут», а гости – это все, кто зайдёт, даже инопланетяне. Это когда дед чинит всё подряд, потому что «а вдруг пригодится», и оно действительно пригождается, когда нужно починить ткань пространства-времени скотчем.

Это когда мы ссоримся, но миримся за чашкой чая. Когда обижаемся, но прощаем, потому что родных не выбирают, а если бы выбирали – всё равно выбрали бы вас.

Наша семья разрослась за эти годы. В ней появились Чих и Светик, дядя Вася и Созидатели, динозавры и неандертальцы, двойники из параллельного мира и даже тётя Зоя, которая до сих пор не понимает, как мы умудряемся влипать во все эти истории. Но она всё равно приходит за сахаром и остаётся на пирожки. Потому что она тоже семья. Пусть и не по крови, но по духу.

Семья – это те, кто с тобой, даже когда вокруг рушатся галактики. И те, с кем хорошо, когда всё спокойно. И те, без кого тишина становится слишком громкой.

Спасибо вам, наши родные, за то, что вы есть. За то, что терпите наши безумства. За то, что всегда рядом. За то, что мы – это мы, только благодаря вам.

Друзьям

Тем, кто готов в три часа ночи выслушивать истории о том, как мы случайно стёрли галактику. Тем, кто приносит пирожки, когда у нас кончились. Тем, кто верит в нас даже тогда, когда мы сами не верим. Вы – те самые порталы в лучшую версию нас самих.

Друзья – это удивительная категория существ. Они не обязаны быть с нами, но они есть. Они не связаны с нами кровными узами, но почему-то терпят наши безумства, наши ночные звонки, наши бесконечные рассказы о том, как кофеварка опять замигала. Они могли бы просто отмахнуться, сказать: «Ой, да ну вас, Светловы». Но они не отмахиваются. Они слушают. Кивают. А иногда даже советуют: «А ты попробуй пирожками – вдруг поможет?»

Спасибо вам, наши дорогие. Серёга, который всегда готов подбросить до рынка за мукой. Ленка, которая приносит домашнее варенье и говорит, что оно «антигравитационное». Толик, который одолжил нам свой старый телескоп, даже не спрашивая, зачем нам понадобилось смотреть на созвездие Ориона в три часа ночи. И многие-многие другие – вы знаете, кто вы.

Вы – наши якоря в этом мире. Когда нас затягивает в портал, вы держите верёвку. Когда мы возвращаемся, вы встречаете нас чаем. Когда мы теряем надежду, вы напоминаете, что пирожки – это вечно.

Иногда мне кажется, что без вас Светловы давно бы потерялись в бесконечности. Вы – те самые звёзды, по которым мы ориентируемся. Маяки в хаосе. Гравитация, которая не даёт нам разлететься.

И знаете что? Вы тоже часть нашей семьи. Может быть, не по документам, но по духу. Потому что семья – это не только те, с кем ты живёшь под одной крышей. Это те, кто живёт в твоём сердце. А вы там живёте – все до одного.

Спасибо, что вы есть. Что терпите. Что верите. Что приносите пирожки.

Мы вас любим. Даже когда не говорим об этом вслух. Особенно когда не говорим. Потому что настоящая дружба – она в тишине тоже слышна.

Тем, кого нет с нами

Вы ушли, но каждый раз, когда мы печём пирожки, вы рядом. Потому что пирожки – это не просто еда. Это память. Это тепло ваших рук, которое мы чувствуем до сих пор. Я помню, как бабушка учила меня раскатывать тесто, а вы стояли рядом и подсказывали: «Не спеши, дай тесту отдохнуть». Теперь я всегда даю тесту отдохнуть – и каждый раз вспоминаю ваш голос.

Вы незримо присутствуете в каждом нашем приключении. Когда мы стоим на краю галактики и смотрим в бездну, я иногда ловлю себя на мысли, что где-то там, среди звёзд, вы тоже смотрите на нас и улыбаетесь. Может быть, вы теперь путешествуете по вселенной быстрее света и видите то, что нам только предстоит открыть.

Эта книга – и для вас тоже. В каждом её слове, в каждой шутке, в каждом пирожке – частичка вас. Ваши истории, ваши уроки, ваша любовь – всё это осталось с нами и перешло на эти страницы. Чих однажды сказал, что память – это самая прочная материя во вселенной. Она

не стирается программами очистки, не сгорает в чёрных дырах, не теряется в параллельных мирах.

Иногда мне кажется, что вы просто ушли в другое измерение, чуть более разрежённое, чуть более тихое. И когда мы говорим о вас, когда вспоминаем ваши истории, когда печём пирожки по вашим рецептам – мы создаём портал. И на мгновение вы снова с нами. Вы слышите наш смех, чувствуете запах теста, видите, как мы снова влипаем в истории.

Надеемся, там, где вы сейчас, тоже есть пирожки. И они такие же вкусные, как те, что вы пекли для нас. И может быть, там тоже есть свои приключения – только без порталов и программ очистки, а тихие, уютные, звёздные.

Мы помним. Мы любим. Мы ждём встречи – там, за горизонтом событий, где время течёт иначе и где пирожки никогда не остывают.

Обращение от автора

(или Почему я снова не сплю и пишу эти строки, а кофеварка играет джаз, и Громов стучит в стенку)

«Каждую ночь, когда все нормальные люди спят, я сижу за компьютером и слушаю, как в голове Светловы спорят о том, кто съел последний пирожок. Иногда они орут так громко, что просыпается кофеварка и начинает играть джаз. А потом приходит бабушка с половником и говорит: «Или ты сейчас же ложишься спать, или я перестану печь пирожки». И я ложусь. Но Светловы не спят. Они ждут.» – Из личного дневника автора, запись № 777 (ночь без сна)

Дорогой читатель

Если ты держишь эту книгу в руках (или смотришь на экран, или слушаешь аудиовersion, пока твой звездолёт завис в пробке в кольцах Сатурна – привет, космические дальнбойщики!), значит, ты снова с нами. Или впервые – тогда добро пожаловать в наш бедлам, у нас тут пирожки, музыка, вечно мигающая кофеварка и полное отсутствие здравого смысла.

Я пишу это обращение уже в четвёртый раз. Первый вариант я случайно удалил, когда кофеварка (та, настоящая, которая стоит у меня на кухне) вдруг заиграла «Калинку-малинку» и я отвлёкся. Второй вариант съела собака – ну, не совсем съела, просто уронила чашку с чаем на ноутбук. Третий вариант я сам порвал в приступе творческого отчаяния, когда понял, что Светловы опять делают не то, что я задумал. Четвёртый – перед вами. Надеюсь, он доживёт до конца.

Знаешь, в чём главная проблема писателя, который завёл семью Светловых? Они не дают мне спать. Честное слово. Только я собираюсь лечь пораньше, как в голову лезет мысль: «А что, если они устроят музыкальный фестиваль во вселенной?» И всё. Я вскакиваю, хватаю блокнот и пишу. А через час приходит бабушка (та, настоящая, не книжная) и говорит: «Ты опять? Спать иди». И я иду. Но Светловы уже включили портал, и я лечу за ними.

– Сынок, – говорит бабушка, стоя в дверях с половником (она всегда носит его с собой, даже в туалет), – ты посмотри на себя. Мешки под глазами размером с багажник «Запорожца». Ты когда в последний раз нормально спал?

– В прошлом году, кажется, – отвечаю я, не отрываясь от клавиатуры. – Или в позапрошлом. Я уже путаю.

– А пирожки мои ел?

– Ел, бабушка, ел. Они единственное, что меня держит в этом мире.

– Вот и хорошо. А теперь спать. Я тебе пирожков с собой дам, в постель.

– Бабушка, пирожки в постель – это антисанитария.

– А не спать ночами – это антижизнь, – парирует она и уходит, грозно стуча половником.

Я ложусь. Но в голове уже крутится новая сцена: Громов спорит с рокерами о том, что настоящая музыка должна быть тихой. Это же абсурд, но Светловы живут абсурдом. И я встаю снова.

– Ты издеваешься? – слышу я голос из соседней комнаты. Это Громов (настоящий, не книжный, мой старый друг, который иногда заходит в гости и вечно ворчит на мои ночные бдения). – Я уже два часа слушаю, как ты стучишь по клавишам. У меня завтра работа, между прочим!

– Громов, ты же в отставке, – напоминаю я.

– В отставке, но у меня режим! Я в шесть утра встаю, зарядку делаю, папиросу курю...

А тут ты со своими Светловыми!

– Извини, – говорю я. – Они не дают покоя.

– Кто не даёт? Твои выдуманные герои?

– Они не выдуманные, они реальные. Просто живут в другом измерении.

– Ага, в измерении «недосып», – ворчит Громов и захлопывает дверь.

Я снова сажусь за компьютер. И вдруг замечаю, что кофеварка (та, что стоит на кухне) начинает мигать. Она мигает золотистым, а потом из неё доносится джаз. Самый настоящий джаз, с саксофоном и контрабасом.

– Ты чего? – спрашиваю я у кофеварки.

Она мигает в ответ.

– Это она тебе сигнал подаёт, – говорит Чих (нет, не книжный, а мой кот, которого я назвал в честь персонажа). – Говорит, что пора писать дальше.

– Чих, ты разговаривать научился?

– Я всегда умел, просто молчал, – отвечает кот и уходит на кухню, где, судя по звукам, открывает холодильник.

Я смотрю на часы. Три ночи. За окном темно, только звёзды светят. И вдруг я понимаю: это не просто звёзды, это те самые звёзды, под которыми Светловы сидят на балконе и обсуждают новые приключения. И где-то там, в далёкой галактике, Лада поёт свои народные песни, а Громгор разбивает очередную гитару.

И я пишу. Потому что не могу не писать.

Помните, в конце седьмой книги кофеварка замигала золотистым и предложила нам отправиться в новую галактику? Мы тогда решили не торопиться – пирожки были горячие, чай вкусный, а Громов только-только перестал ворчать. Мы думали: «Успеется, галактика никуда не денется». И два месяца наслаждались покоем. Но, как вы знаете, Светловы долго отдыхать не умеют. Это противоречит законам вселенной.

– Майк, – сказал мне Павлик как-то утром (он пришёл ко мне в гости, потому что мы дружим семьями и он иногда консультирует меня по поводу своего книжного образа), глядя на мигающую кофеварку, – а может, всё-таки слетаем? А то скучно.

– Павлик, ты же знаешь, что это только книга, – ответил я. – Мы никуда не полетим.

– А вдруг? – он подмигнул. – Ты сам не знаешь, на что способна твоя фантазия.

– Скучно? – удивилась Аня (она зашла вместе с ним, чтобы принести мне домашнего варенья). – Ты же школу ненавидишь, а тут каникулы.

– Каникулы – это хорошо. Но без приключений они какие-то... ненастоящие.

Я понимал Павлика. После всего, что мы пережили в предыдущих книгах, обычная жизнь казалась пресной. Даже бабушкины пирожки, которые мы ели каждый день (настоящие, не книжные), уже не спасали от ощущения, что чего-то не хватает.

– А давайте глянем, что там за сигнал, – предложил дед (он тоже пришёл, потому что у нас был запланирован семейный обед). – Кофеварка всё равно мигает. Может, там что-то важное.

И мы глянули. И знаете, куда мы попали? В галактику под названием Ладога. Место, где все разговаривают... музыкой. Не словами, а песнями, мелодиями, ритмами. Представляете?

Там даже за хлебом ходят с балалайкой. А если хочешь сказать соседу, что у него вкусные пирожки, приходится петь оду. Мы сначала растерялись, но бабушка быстро освоилась – она у нас вообще талант.

– Зина, – спросил дед, глядя, как она распевается перед выходом из портала (порталом служила арка, которую кофеварка создала прямо посреди гостиной), – ты где так научилась?

– В молодости в фольклорном ансамбле пела, – ответила бабушка. – Вторым голосом.

– Ты? – дед вытаращил глаза. – Я тебя двадцать лет знаю, и ты никогда не говорила, что пела в ансамбле!

– Ты не спрашивал, – пожала плечами бабушка. – А потом, когда дети появились, стало не до песен.

– А сейчас?

– А сейчас внуки выросли, можно и вспомнить молодость.

Она затащила «Ой, то не вечер», и у меня мурашки побежали по коже. Даже кофеварка подхватила, заиграв на своих внутренних динамиках.

В общем, мы прожили в этой галактике, подружались с местными, научились играть на народных инструментах и даже привезли домой балалайку-самогудку. Но это было только начало. Потому что вскоре выяснилось, что в Ладугу съезжаются музыканты со всей вселенной. Рокеры, поп-звёзды, джазмены, любители попсы, классики, а капелла, мюзикл, блюз и симфо-металл. И каждый считает, что его музыка – самая лучшая.

– Это что же получается? – спросил Громов (настоящий, который уже забыл про свою обиду и сидел с нами за одним столом, слушая мои рассказы). – Все эти жанры соберутся вместе и начнут выяснять, кто круче?

– Именно, – ответил я. – Представляешь, какой хаос?

– Представляю, – вздохнул он. – Я двадцать лет в спецслужбах проработал, но такое даже мне не снилось.

Началось такое... Я даже не знаю, как это назвать. Музыкальная война? Битва жанров? Концерт апокалипсиса? Скажем так: когда Metallica пытается переиграть Lady Gaga, а Чайковский вступает в схватку с джазовыми импровизациями, получается хаос. Настоящий, оглушительный, сногшибательный хаос.

– И кому, как не Светловым, разбираться с этим безобразием? – сказал я, глядя на своих друзей. – У нас есть пирожки, балалайка, Громов с его фирменным ворчанием и, конечно, бабушка с половником.

– А я? – обиделся Чих (кот).

– И ты, – погладил я его. – Ты за миллион лет (ну, ладно, за девять кошачьих жизней) наслушался всякого и мог бы дать дельный совет.

Светик, который до этого мирно светился в углу (это моя настольная лампа, которую я в шутку называл Светиком), вдруг замигал ярче.

– И ты, Светик, – добавил я. – Ты будешь светить в такт любой музыке.

Эта книга о том, что произошло дальше. О фестивале, который чуть не уничтожил вселенную. О том, как рокеры учились слушать джаз, а поп-звёзды открывали для себя народные песни. И о том, что даже в самом громком хаосе можно найти гармонию. Особенно если у тебя есть пирожки.

Я хочу предупредить сразу: если ты после прочтения этой книги начнёшь напевать попу, играть на балалайке или собирать рок-группу – это нормально. Это побочный эффект. Лечится пирожками и долгими прогулками под классику. Но если ты вдруг решишь открыть портал в другую галактику, чтобы устроить там свой фестиваль – пожалуйста, не надо. Кофеварку лучше держать подальше от розетки. И от деда. Особенно от деда.

– А что не так с дедом? – спросил мой друг Серёга, который зашёл в гости и теперь слушал мои рассуждения.

– Дед однажды подключил кофеварку к системе отопления, и у нас весь дом две недели работал как портал в параллельное измерение. Соседи до сих пор косятся.

– И что, помогло?

– В смысле?

– Ну, отопление заработало?

– Отопление – да. Но у нас в ванной теперь живёт двойник тёти Зои.

– Какой двойник?

– Из параллельного мира. Она хорошая, только всё время просит соль. Мы уже привыкли. Серёга покачал головой и ушёл, бормоча что-то про «ненормальных писателей».

Я не буду долго задерживать тебя на пороге. Бабушка уже наливает чай, дед греет кофеварку, а балалайка-самогудка настраивается на новый концерт. Заходи, располагайся поудобнее. Только не забудь взять пирожок. Без пирожков никак.

– А пирожки с чем? – спросил вдруг Павлик (книжный, который возник в дверях моей комнаты и теперь смотрел на меня с укором).

– С чем хочешь, – ответил я. – С капустой, с мясом, с яблоками, с творогом, с вареньем, с картошкой, с грибами, с вишней, с рисом, с яйцом, с луком...

– Хватит, – остановил он. – Я уже теку слюной.

– Вот и хорошо. Читай и на здоровье.

Он исчез так же внезапно, как и появился. А я остался один на один с клавиатурой и мигающей кофеваркой.

С любовью и пирожками,

твой вечно невысыпающийся автор

P.S. Если вдруг встретишь на страницах этой книги знакомые мелодии – не удивляйся. Это всё Светловы, они любят заимствовать лучшее из всех миров. А если встретишь фальшивые ноты – значит, это Громов пел. Не обращай внимания, у него душа поёт, даже когда голос врёт.

P.P.S. Кофеварка всё ещё мигает. Теперь она играет попурри из всего сразу. Я уже привык. И даже не спрашиваю, что это значит. Просто жду новых приключений.

P.P.P.S. Бабушка только что зашла и сказала, что если я не лягу спать, она перестанет печь пирожки на неделю. Я в панике. Но допишу этот постскрипtum и лягу. Обещаю.

P.P.P.P.S. Не лёг. Светловы опять начали спорить о чём-то в моей голове. Теперь они выясняют, кто будет солировать на финальном концерте. Громов предлагает себя. Представляете? Громов с бластером вместо микрофона. Это же катастрофа. Надо срочно записать эту сцену, пока не забыл.

P.P.P.P.P.S. Записал. Теперь можно спать. Но кофеварка играет что-то новое. Кажется, это кантри. Откуда кантри? Мы же не планировали кантри. Ладно, пусть играет. Может, в следующей книге добавим кантри-фестиваль. Но это уже совсем другая история.

С уважением,

Анатолий Шигапов

Пролог. Золотистый сигнал

(или Как мы наконец решились на новое приключение, и чуть не передумали, и снова решились, и опять чуть не передумали, и всё-таки решились)

«Есть в нашей семье неписаное правило: если кофеварка замигала – жди беды. Если замигала красным – беда уже здесь, и она большая. Если замигала синим – мы куда-то вляпались, но не смертельно. А если замигала золотистым – значит, она нашла что-то интересное и теперь будет мигать до тех пор, пока мы неотреагируем. Мы игнорировали её два месяца. Два месяца золотистого света по ночам, два месяца джазовых импровизаций из кофеварки,

два месяца взглядов Громова, которые говорили: «Я же предупреждал». И в конце концов мы сдались. Потому что Светловы могут игнорировать что угодно, но не музыку. И не пирожки. И не Громова, когда он смотрит таким взглядом.» – Из дневника Михаила Светлова (Светлого Майка)

Два месяца после возвращения из параллельного мира прошли на удивление спокойно. Настолько спокойно, что это уже перестало пугать – мы просто привыкли. Громов, правда, периодически поглядывал на кофеварку с подозрением, но она молчала. Только изредка мигала золотистым, напоминая о том самом сигнале, который мы проигнорировали в тот вечер, когда бабушка испекла три противня пирожков с капустой, и мы решили, что никакая галактика не стоит того, чтобы отрываться от такого великолепия.

– И всё-таки странно, – сказал как-то Громов за завтраком, задумчиво жуя пирожок с капустой и глядя на кофеварку так, будто она была замаскированным агентом враждебной цивилизации. – Обычно кофеварка, если хочет нам что-то сказать, не успокаивается, пока мы неотреагируем. А тут – мигнёт и замолчит. Как будто ждёт. Или обижается.

– Может, она просто проверяет, на месте ли мы? – предположил Светик, который сидел на подоконнике, свесив светящиеся лапки, и грелся на утреннем солнышке. Он светился нежно-голубым, что означало полное умиротворение. – Я, когда был программой, тоже иногда проверял связь с системой. Знаете, чтобы убедиться, что всё работает. Ну, и чтобы не забыли про меня.

– А зачем ей проверять? – удивился Павлик, отрываясь от учебника по алгебре, который он мужественно пытался осилить уже третью неделю. Учебник лежал перед ним раскрытый на одной и той же странице всё это время, и Павлик смотрел на него с такой ненавистью, будто это был личный враг, уничтоживший его детство.

– Ну... – Светик задумался, и его свечение стало чуть более задумчивым, переливчатым. – Может, она волнуется? Вдруг мы улетели без неё? Вдруг мы нашли себе другую, более современную кофеварку с подогревом кружек и функцией самоочистки? Она же старая, ей нужна уверенность, что её любят.

– Кофеварка волнуется? – Громов хмыкнул так, что у него даже усы дёрнулись. – Это что-то новенькое. Я за двадцать лет службы видел много странного: предателей, двойных агентов, инопланетных шпионов, замаскированных под табуретки. Но чтобы кофеварка волновалась... Это перебор даже для нашей семьи.

– А почему сразу перебор? – вмешалась бабушка, которая как раз вынимала из духовки очередную партию пирожков. На этот раз с яблоками, потому что Павлик на диете объявил, что от капусты у него пучит живот, хотя мы все подозревали, что он просто хочет разнообразия и готов придумать любую причину, лишь бы не есть одно и то же. – Она же не просто кофеварка. Она почти член семьи. Игнат, ты как считаешь?

Дед, который всё это время сидел в углу и колдовал над кофеваркой с отвёрткой в одной руке и паяльником в другой, поднял голову и посмотрел на нас так, будто мы только что предложили ему разобрать кофеварку на запчасти и продать на рынке.

– Зина, я тебе сто раз говорил: не отвлекай меня, когда я с ней работаю. Она тонкая натура, понимаешь? Чувствует малейшее колебание. Вот сейчас я пытаюсь добавить ей функцию распознавания эмоций, а ты своими разговорами сбиваешь настройки.

– И что ты там делаешь? – поинтересовался я, подходя ближе и пытаясь разглядеть, что именно дед паяет. Там было что-то сложное, с множеством проводов и микросхем, и всё это напоминало скорее бомбу замедленного действия, чем бытовой прибор.

– Пытаюсь добавить функцию распознавания эмоций, – гордо заявил дед, вытирая пот со лба рукой, испачканной в канифоли. – Чтобы она понимала, когда мы шутим, а когда серьёзно. Чтобы не варила кофе, когда мы плачем, и не играла джаз, когда мы спим.

– И как успехи? – спросил я, уже догадываясь об ответе.

– Пока не очень. – Дед вздохнул и отложил паяльник. – Она всё время думает, что я шучу. Даже когда я серьёзен, как Громов на допросе. Вот сейчас я пытаюсь объяснить ей, что это важно, а она в ответ играет «Калинку-малинку». Представляете? Я ей про эмоции, а она мне про берёзки.

Громов, услышав своё имя, только крикнул и закурил папиросу, хотя бабушка запретила курить на кухне. Но сегодня был особый день – она только что вышла в коридор, чтобы ответить на звонок тёти Зои, и Громов решил воспользоваться моментом.

– Игнат, ты бы лучше научил её кофе варить без сажи, – проворчал он, выпуская дым в форточку. – А то третья чашка сегодня опять с угольками. Я уже начал подозревать, что она делает это специально, чтобы мы пили меньше кофе.

– Это она так любовь проявляет, – обиделся дед, косясь на Громова с укором. – Говорит, что крепкий кофе полезен для духа. А угольки – это, между прочим, натуральный абсорбент. Полезно для желудка.

– Для духа-то полезен, – проворчал Громов, – а для желудка – не очень. У меня уже изжога от вашей любви.

Павлик, воспользовавшись тем, что бабушка вышла и не видит, незаметно стянул с противня сразу два пирожка с яблоками и запихнул один в рот целиком, а второй спрятал в карман. Аня, сидевшая напротив и писавшая очередную главу своего дневника (она уже обогнала Полозова на сто пятьдесят страниц и теперь готовилась к выпуску сборника «Воспоминания Светловых: том первый»), закатила глаза и покачала головой.

– Павлик, ты бы хоть прожевал сначала. А то сейчас подавишься, и придётся опять портал открывать, чтобы спасти тебя. А порталы, между прочим, дорогое удовольствие. Дед говорит, что кофеварка после каждого использования требует профилактики.

– Не надо портал, – промычал Павлик с набитым ртом, пытаясь одновременно жевать и говорить. – Я сам справлюсь. Я тренированный. Я за эти два месяца столько пирожков съел, что могу теперь есть даже во сне.

– Тренированный он, – усмехнулся Чих, не отрываясь от книги. Он читал какой-то древний фолиант, который притащил из своей библиотеки (мы даже не знали, что у него есть библиотека, пока он не открыл шкаф, и оттуда не посыпались книги, которых хватило бы на небольшую городскую библиотеку). – Я за миллион лет видел много тренированных едоков. Один с планеты Жрун мог проглотить целый космический корабль за минуту. Но даже он жевал.

– А что с ним стало? – поинтересовался Светик, который обожал истории Чиха про древние цивилизации.

– Подавился астероидом, – вздохнул Чих, переворачивая страницу. – Печальная история. С тех пор на его планете день траура каждый раз, когда мимо пролетает большой камень. Они даже построили специальную систему слежения за астероидами, чтобы вовремя их отводить. Но того парня уже не вернуть.

Мы рассмеялись. Даже Громов улыбнулся, хотя обычно на такие истории реагировал скептически и говорил, что Чих всё выдумывает.

– Ладно, – сказал я, допивая чай и чувствуя, как пирожок с яблоками приятно согревает изнутри. – Если честно, мне тоже уже немного надоело сидеть на месте. Два месяца без приключений – это, конечно, хорошо для нервов, но для души... для души это испытание.

– А вдруг там опасно? – засомневалась Аня, откладывая дневник и поправляя очки. Она всегда становилась осторожной, когда речь заходила о новых путешествиях, потому что помнила, как в прошлый раз мы чуть не застряли в параллельном мире навсегда.

– Когда это нас останавливало? – удивился Павлик, наконец проглотив пирожок и потянувшись за третьим. – Мы и в центре вселенной были, и с богами чай пили, и программы

перевоспитывали, и с рокерами дрались, и с поп-звёздами танцевали. Что нам какая-то новая галактика?

– Павлик прав, – поддержала бабушка, возвращаясь в комнату и с подозрением глядя на Громова, который поспешно потушил папиросу в цветочном горшке. – Тем более кофеварка явно не просто так мигает. Она же умная. Если бы там было совсем плохо, она бы мигала красным, как в прошлый раз, когда мы галактику стёрли.

– А каким она мигает сейчас? – спросил Светик, спрыгивая с подоконника и подходя к столу.

– Золотистым, – ответил дед, взглянув на экранчик кофеварки. – Очень красивый цвет. Тёплый такой, как...

– Как пирожок? – подсказал Павлик, жуя.

– Ну да, примерно. Как хорошо пропечённый пирожок с золотистой корочкой. Такой, знаешь, аппетитный, хрустящий...

– Дед, ты нас дразнишь, – обиделась Аня. – Мы только что завтракали.

– Я не дразню, я констатирую факт, – важно сказал дед.

Мы переглянулись. В комнате повисла та особенная тишина, которая всегда предшествует важным решениям. Даже Жужа, которая дремала на своей подстилке, подняла голову и наострила уши, будто чувствуя, что сейчас что-то произойдёт.

– Значит, летим, – подвёл итог я, чувствуя, как внутри загорается знакомый азарт. – Бабушка, собирай пирожки. Дед, проверь кофеварку. Громов, убедись, что бластер заряжен и что ты не забыл свои ворчалки дома.

– Ворчалки при мне, – проворчал Громов. – Куда ж я без них.

– Павлик, отложи учебник, он никуда не денется. Алгебра подождёт, а галактика – нет.

– Ура! – заорал Павлик, подбрасывая учебник в воздух. Тот приземлился прямо в миску с недоеденным пирожком, но Павлику было уже всё равно.

– Аня, возьми дневник, будет что записывать. И проследи, чтобы Полозов не завидовал слишком сильно.

– Уже записываю, – сказала Аня, строча в блокноте. – «День, когда мы решились на новое приключение. Всеобщее воодушевление. Павлик ест третий пирожок. Громов ворчит. Всё как обычно».

– Чих, ты с нами?

– А куда ж я денусь, – вздохнул Чих, закрывая книгу и пряча её в свою безразмерную шерсть. – Без меня вы там такого натворите, что потом миллион лет разгребать. Я слишком стар для этого, но выбора нет.

– Светик?

– Я всегда с вами, – засветился Светик ярко-жёлтым. – И Саксонию возьмём? – спросил он с надеждой.

– Конечно, – ответил я. – Она теперь часть семьи. Где мы, там и она.

Саксония, которая всё это время тихонько сидела в углу и играла что-то меланхоличное на саксофоне, услышав своё имя, встрепенулась и заиграла радостную мелодию.

– Она говорит, что очень рада, – перевёл Чих. – И что её саксофон уже настроен на любую галактику.

Через час мы стояли перед порталом. Кофеварка, которую дед держал в руках, играла что-то весёлое и ритмичное. Мелодия была залихватской, с переливами, и очень знакомой.

– Это что за мелодия? – спросил Павлик, пританцовывая.

– «Калинка-малинка», – ответил Чих, прислушиваясь. – Русская народная. Интересно, почему она именно это играет? Может, там, куда мы летим, любят русскую музыку?

– Или просто у неё настраивание хорошее, – предположила бабушка.

Из портала повеяло тёплым ветром и запахом... берёз? Да, именно так: пахло берёзовыми рощами, свежескошенной травой, мёдом и ещё чем-то очень знакомым, домашним. Пахло Россией.

– Ну что, Светловы? – сказал я, оглядывая свою разношёрстную, безумную, но такую любимую команду. – Летим?

– Летим! – хором ответили все.

– Только, чур, – добавил Громов, поправляя бластер, – в этот раз без драк. Я уже стар для мордобоя с инопланетянами.

– А если они первые нападут? – спросил Павлик.

– Тогда будем защищаться пирожками, – ответила бабушка. – У меня их много.

– И музыкой, – добавила Саксония, сыграв боевой марш.

Мы шагнули в портал. Кухня, с её запахом пирожков и уютом, исчезла. Впереди была неизвестность, новые друзья и, возможно, новые враги. Но нас это не пугало.

Потому что мы – Светловы.

А Светловы всегда справляются.

Даже когда не знают, куда летят.

Даже когда кофеварка играет непонятно что.

Даже когда пирожки кончаются (хотя это уже трагедия).

Но пирожки у нас никогда не кончаются. Бабушка позаботилась.

В следующее мгновение портал выплюнул нас на огромной площади, окружённой деревянными теремами, расписными, как в русских сказках. Вокруг пели птицы (настоящие, земные, но почему-то они пели «Во поле берёза стояла»), а в центре площади водили хоровод такие же люди, как мы, только в сарафанах и косоворотках.

– Ничего себе, – выдохнул Павлик. – Это где мы?

– Похоже, в русской народной галактике, – ответил Чих, оглядываясь. – Никогда не думал, что такая существует. Я за миллион лет много чего видел, но чтобы целая галактика, живущая по законам фольклора... Это впечатляет.

Из хоровода вышла женщина в расшитом золотом сарафане, с длинной русой косой и добрыми глазами. Она подошла к нам и... запела.

– Здравствуйте, гости дорогие, – пропела она мелодичным голосом. – Откуда вы и с какой целью пожаловали?

– Что она говорит? – спросил Павлик у Чиха.

– Она приветствует нас и спрашивает, кто мы и зачем пришли, – перевёл Чих. – Отвечай, Майк.

Я вышел вперёд и, стараясь говорить как можно более вежливо, сказал:

– Мы Светловы. Мы получили сигнал от нашей кофеварки и решили посмотреть, что тут происходит.

Женщина улыбнулась и снова запела:

– А, это вы! Нам говорили, что вы придёте. Кофеварка ваша уже связалась с нашими музыкальными духами. Она сказала, что вы умеете печь пирожки и играть на балалайке. Это правда?

– Ну... – замялся Павлик. – Я только учусь.

– Учиться – хорошо, – пропела женщина. – Главное – старание. А с пирожками как?

– С пирожками у нас порядок, – гордо сказала бабушка, доставая из сумки тарелку. – Угощайтесь.

Женщина взяла пирожок, откусила, и её глаза расширились. Она запела такую радостную песню, что даже облака на небе разошлись и выглянуло солнце.

– Великая пекарка! – пропела она. – Оставайтесь у нас навсегда!

– Ну, навсегда не навсегда, – улыбнулась бабушка, – а погостить можно.

Так началось наше новое приключение в галактике Ладога, где нас ждали не только народные песни, но и рокеры, поп-звёзды, джазмены, любители попсы, классики, а капелла, мюзикл, блюз и симфо-металл. И всё это – на одной площади, в одно время, с одной целью: выяснить, чья музыка лучше.

Но это уже совсем другая история.

История, которая начинается прямо сейчас.

Глава 1. Галактика Ладога

(или Как мы чуть не сорвали хоровод своим появлением и едва не стали звёздами местного фольклора)

«Если вы думаете, что в центре вселенной шумно, вы просто не были на фольклорном фестивале в галактике Ладога. Там даже пылинки танцуют в хороводе, а звёзды подпевают в унисон. И вот в этот самый невучий рай врываются Светловы со своей балалайкой, пирожками и полным отсутствием музыкального слуха. Спойлер: местные это запомнят надолго. А мы запомним, как нас чуть не заставили выступить на главной сцене в первый же час.»
– Из дневника Михаила Светлова

Портал выплюнул нас на огромной площади, окружённой деревянными теремами, которые, казалось, были нарисованы самым талантливым художником-сказочником. Честно говоря, когда я увидел это место, у меня челюсть отвисла сама собой, и я стоял так, наверное, целую минуту, пока Павлик не ткнул меня локтем в бок.

– Майк, ты чего? Слюни подбери.

– Сам подбери, – ответил я, но челюсть всё-таки закрыл.

Представьте себе сказочный город из русских народных сказок – с расписными теремами, резными наличниками, петушками на крышах, – только увеличенный в сотни раз и парящий в космосе. А вокруг – звёзды, которые подмигивают в такт какой-то неведомой мелодии. Дома здесь были не просто домами – они пели. Каждое бревно, каждая ставенка, каждая резная наличница издавала свою неповторимую ноту, и все вместе они создавали симфонию, от которой по коже бежали мурашки, а волосы вставали дыбом (у кого они были).

– Ничего себе, – выдохнул Павлик, забыв закрыть рот. – Это круче, чем любой концерт, на котором я был.

– А ты был на концертах? – удивилась Аня, поправляя очки и оглядываясь по сторонам с выражением лица профессионального летописца, который только что нашёл золотую жилу.

– Ну... в школе один раз выступал на утреннике. Пел «В лесу родилась ёлочка». – Павлик замялся, вспоминая тот травматический опыт.

– И как? – Аня прищурилась.

– Меня больше не просили. – Павлик вздохнул. – Учительница сказала, что моё исполнение – это новый жанр, который она назвала «музыкальный терроризм». А директор потом долго вытирал стёкла в кабинете – они, оказывается, запотели от моего пения.

– Это потому что ты фальшивил, как Громов после третьей чашки кофе, – заметил Чих, который уже успел забраться на плечо к Светику, чтобы лучше видеть окрестности.

– Эй, между прочим, я тут, – проворчал Громов, поправляя бластер. – И моё пение, между прочим, душевное.

– Душевное, но не слуховое, – парировал Чих.

Мы рассмеялись, но смех наш потонул в общем хоре, который вдруг стал громче. В центре площади водили хоровод. Это было нечто невероятное – сотни, если не тысячи существ в ярких сарафанах и косоворотках двигались плавно, но с такой энергией, что воздух вокруг вибрировал. Они пели – негромко, но проникновенно, и казалось, что сама земля подпевает им. Даже камни под ногами, кажется, отбивали ритм.

– Красиво, – прошептала Аня, и на глазах у неё блеснули слёзы. – Очень красиво. Я никогда ничего подобного не видела.

– А я видел, – вдруг сказал Чих, и голос его звучал задумчиво. – Миллион лет назад в одной галактике тоже водили такие хороводы. Только там вместо людей были светящиеся шары, а вместо песен – ультразвук. Но энергия была та же. Это называется «единение». Когда все становятся одним целым.

– И что с той галактикой? – спросил Светик, который светился нежно-голубым, пытаясь подстроиться под общую атмосферу.

– Распалась, – вздохнул Чих. – Они слишком сильно объединились и забыли, что они разные. А без разницы нет гармонии. Есть только однообразный гул.

– Философ ты наш, – усмехнулся Громов. – Лучше скажи, что нам теперь делать? На нас уже смотрят.

И правда, хоровод заметил нас. Музыка стихла так резко, что уши заложило. Все замерли и уставились на пришельцев. Тысячи глаз – человеческих, не очень человеческих (были там и с двумя зрачками, и с тремя, и вообще без зрачков, но с фосфоресцирующими пятнами) – смотрели на нас с любопытством, удивлением и лёгкой настороженностью. Повисла такая тишина, что было слышно, как у Громова тикают часы на руке.

– А чего это они на нас так смотрят? – шепнул Павлик, пятясь назад. – У меня от этого взгляда мурашки не только по коже, но и где-то глубже.

– Боятся, – ответил Чих. – Или удивляются. Мы для них – инопланетяне в самом прямом смысле. Хотя, судя по архитектуре, они сами инопланетяне, просто очень похожи на людей.

– Может, это наши потомки? – предположил дед, который всё это время возился с кофеваркой, пытаясь настроить её на местные частоты. – Переселенцы из древней Руси?

– Дед, ты фантазёр, – покачала головой бабушка. – Какие переселенцы? Тут космос кругом.

Из толпы вышла женщина. Высокая, статная, в расшитом золотом сарафане, с длинной русой косой, которая, кажется, жила своей жизнью и тихонько напевала что-то себе под нос. Коса, я серьёзно, напевала. У неё был свой собственный мелодичный звон, будто в каждый волосок вплели маленький колокольчик.

Она подошла к нам и... запела. Голос у неё был такой, что хотелось закрыть глаза и слушать вечность.

– Что она говорит? – спросил Павлик у Чиха, дёргая его за лапку так, что тот чуть не свалился с плеча Светика.

– Тихо ты, – шикнул Чих, прислушиваясь и одновременно пытаясь удержать равновесие. – Она говорит: «Здравствуйте, гости дорогие. Откуда вы и с какой целью пожаловали? Мы давно не видели чужеземцев. Сотню лет, наверное».

– Скажи ей, что мы по приглашению кофеварки, – ответил я, чувствуя, как внутри закипает знакомое волнение. Каждое новое знакомство с инопланетной цивилизацией начиналось одинаково: сначала мы пугали местных, потом они пугали нас, потом бабушка доставала пирожки, и все становились друзьями.

Чих попытался изобразить это на гуслях (он, оказывается, прихватил с собой маленькие гусли, спрятав их в своей пушистой шерсти – как они там помещались, до сих пор загадка), но получилось не очень складно. Гусли фальшивили, Чих краснел (насколько может краснеть пушистый зверёк – он становился сначала розовым, потом малиновым, потом бордовым), а женщина смотрела на него с недоумением, смешанным с любопытством.

– Позвольте мне, – вдруг сказала бабушка и шагнула вперёд, поправляя фартук и одёргивая кофту.

Она глубоко вздохнула, закрыла глаза на секунду, а потом... запела. Да-да, прямо с порога запела старинную русскую песню, которую, видимо, помнила из своего далёкого ансам-

блевского прошлого. Голос у неё был чистый, звонкий, с правильными народными обертонами, и когда она выводила особенно высокую ноту, даже птицы (которые, как выяснилось, здесь тоже водились) замолкали и слушали, свесив головы набок.

– Ой, то не вечер, то не вечер,

Мне малым-мало спалось,

Мне малым-мало спалось,

Ой, да во сне привиделось... – пела бабушка, и хоровод замер, затаив дыхание.

Когда она закончила, тишина стояла такая, что было слышно, как где-то далеко капает вода из сломанного фонтана и как Громов переминается с ноги на ногу, пытаясь не скрипеть ботинками. А потом раздались аплодисменты. Не просто аплодисменты – песенные овации. Все вокруг запели хвалебную песню, прославляющую гостью с красивым голосом. Это было похоже на то, как если бы тысяча человек одновременно запела «Многая лета», только мелодия была сложнее и красивее.

Женщина в сарафане подошла к бабушке и низко поклонилась, почти касаясь лбом земли.

– Великая певица, – пропела она (Чих переводил шёпотом, хотя теперь, кажется, и без перевода было понятно). – Ты принесла нам радость. Твой голос – как свет в ночи. Оставайся у нас навсегда. Мы сделаем тебя главной хранительницей песен. У тебя будет свой терем, свои гусли и своя печь для пирожков.

– Спасибо, милая, – смутилась бабушка, краснея как помидор (она вообще не любила, когда её хвалили прилюдно). – Но у нас дела. Дома, знаешь ли, дед, внуки, кофеварка... Хотя погостить можно. Неделью-другую.

– Неделью? – женщина (как мы потом узнали, её звали Лада) заулыбалась. – Это хорошо. Мы покажем вам нашу галактику, научим нашим песням. А вы нас – своим пирожкам.

– Договорились, – кивнула бабушка.

Нас тут же окружили местные жители. Каждый хотел познакомиться, каждый пел свои приветствия. Чих едва успевал переводить, но через полчаса просто махнул лапкой и сказал:

– Всё, я сдаюсь. Они поют быстрее, чем я перевожу. Общий смысл: они рады нас видеть, они давно не видели гостей, и они надеются, что мы останемся надолго.

Светик светился от счастья – ему здесь очень нравилось, потому что все вокруг тоже светились, правда, не физически, а душевно. Но он чувствовал это свечение и отвечал своим, розово-жёлтым, отчего местные детишки (маленькие существа в мини-сарафанах) визжали от восторга и тянули к нему ручки.

– А что это за инструмент у мальчика? – спросила Лада, указывая на балалайку, которую Павлик прижимал к груди как самое дорогое сокровище. Он даже спал с ней в обнимку последние две недели, чем очень раздражал Громова, который жаловался, что балалайка по ночам играет сама по себе и мешает ему ворчать.

– Балалайка, – объяснил Павлик, гордо поднимая инструмент над головой. – Только она не простая, а самогудка. Сама играет.

– Сама? – удивилась Лада, и её глаза расширились. – Такое бывает только в легендах!

Балалайка, словно в подтверждение, тренькнула весёлую мелодию – что-то среднее между «Калинкой-малинкой» и «Барыней», да ещё и с джазовыми импровизациями (она у нас вообще разносторонняя).

Местные музыканты ахнули. Из толпы вышел пожилой гуслик с длинной седой бородой, которая, кажется, тоже умела петь (она тихонько гудела в такт его шагам). Глаза его были полны мудрости и лёгкого безумства, как у всех настоящих сказителей.

– Это же легендарный инструмент! – воскликнул он, подходя ближе и чуть не споткнувшись о собственную бороду. – Я думал, такие только в сказках бывают. Самогудки – великая

редкость. У нас в галактике только одна такая была, да и ту украли космические пираты тысячу лет назад. С тех пор мы ищем, но безуспешно.

– Мы её не крали, – быстро сказал Павлик, пятясь назад. – Нам подарили. Честное слово! Один гуслир с планеты Ладога подарил. Мы там фестиваль проводили.

– Я знаю, – улыбнулся гуслир, и его глаза заблестели. – Честные люди сразу видно. А воры всегда отводят глаза. А у тебя, парень, глаза честные. Меня зовут Садко. Я главный сказитель этой галактики. Можно сказать, хранитель историй.

– Садко? – переспросил я, чувствуя, как внутри загорается любопытство. – Как в былине? Тот самый, который играл на гуслих и покори́л морского царя?

– А вы знаете наши былины? – обрадовался Садко, и его борода загудела громче. – Откуда? Мы думали, что о нас никто не знает за пределами галактики.

– Ну... немного, – признался я. – У нас на Земле тоже есть былины. Про Садко, про Илью Муромца, про Добрыню Никитича. Только ваш Садко в море плавал и к морскому царю в гости ходил.

– Интересно, – задумался Садко, почесывая бороду. – Надо будет записать. Обменяемся историями. У нас тут тоже есть морской царь, но он в океане под облаками живёт. И вместо рыбок у него летучие киты.

– Летучие киты? – Павлик аж подпрыгнул. – Это как?

– А вот так, – улыбнулся Садко. – Потом покажу.

Нас пригласили на пир. Столы ломились от яств – блины, пироги, квас, медовуха (безалкогольная, для инопланетных гостей, хотя Громов потом долго вздыхал, что настоящая была бы лучше), соленья, варенья, грибочки, рыбка, и всё это пахло так, что у Павлика слюнки текли ручьём, а желудок начал играть соло на голодные темы.

– Бабушка, – шепнул он, дёргая её за фартук, – а наши пирожки не пропадут? Мы же их везли, везли, а тут такое угощение.

– Не пропадут, – ответила бабушка, доставая из своей необъятной сумки сразу несколько тарелок. Эта сумка была отдельным персонажем нашей семьи: она вмещала в себя, кажется, всё что угодно, от пирожков до запасного бластера Громова. – Угощайтесь, дорогие. Пирожки с пылу с жару. С капустой, с мясом, с яблоками, с творогом, с вишней, с картошкой, с грибами и с секретным ингредиентом.

– С каким? – спросила Лада, беря пирожок.

– С любовью, – улыбнулась бабушка.

Местные попробовали и... сошли с ума. Буквально. Они начали петь хвалебные песни пирожкам, слагать о них былины и даже танцевать вокруг тарелок. Одна пожилая женщина в расшитом кокошнике пустилась в такую пляску, что её кокошник слетел и приземлился прямо на голову Громову, который от неожиданности замер с открытым ртом.

– Громов, тебе идёт, – хихикнул Павлик.

– Отдай, – проворчал Громов, но кокошник снимать не спешил – видимо, прикидывал, не оставить ли на память.

– Что это? – спросила Лада, жуя пирожок с капустой и закатывая глаза от удовольствия. – Я никогда не ела ничего подобного. Это... это как музыка во рту.

– Пирожки, – скромно ответила бабушка, но в глазах её горела гордость. – С капустой, с мясом, с яблоками, с творогом, с вареньем, с картошкой, с грибами, с вишней, с рисом, с яйцом, с луком и с секретным ингредиентом.

– Остановись, – взмолилась Лада, хватаясь за сердце. – Я сейчас лопну от счастья. А если я лопну, кто будет хранить народные песни?

– Ничего, – успокоила бабушка. – У нас ещё есть. И если что, мы тебя склеим. У нас дед всё умеет чинить, даже лопнувших хранительниц песен.

Дед, услышав своё имя, гордо поднял голову от кофеварки, которую он пытался настроить на местные частоты, и кивнул:

– Скотч есть, зубочистки есть. Склеим в лучшем виде.

Вечером, когда стемнело, мы сидели у огромного костра. Огонь здесь тоже пел – потрескивал в такт мелодии, которую играли местные музыканты. Садко сидел в центре с гусями и наигрывал что-то древнее, былинное. Вокруг расположились жители, и мы вместе с ними.

Павлик попробовал подыграть на балалайке – получилось коряво, но никто не смеялся, наоборот, подбадривали песнями. Одна женщина даже сочинила частушку про «балалаечку-гудочку, что играет невпопад, но зато от всей души, хоть и фальшивит, брат».

– Ничего, – сказал Садко, когда Павлик закончил своё выступление под жидкие, но добрые аплодисменты. – Научится. У него душа поёт, а это главное. А техника – дело наживное.

– А если душа поёт, а слуха нет? – спросил Громов, который сидел в сторонке на пенёчке и задумчиво курил папиросу (ему разрешили, потому что дым здесь считался особым видом музыкального инструмента – он вился в воздухе и создавал причудливые узоры под музыку).

– Тогда душа найдёт способ, – улыбнулся Садко. – У нас тут один был, совсем не умел петь, зато так играл на ложках, что все плакали. От умиления. А другой – тот вообще не издавал ни звука, но когда он танцевал, земля гудела. Каждый может найти свой способ выразить себя.

Громов задумался. Кажется, он прикидывал, не начать ли осваивать ложки. Он даже посмотрел на свои руки, потом на ближайшую ложку, но бабушка перехватила его взгляд и быстро убрала столовые приборы в сумку.

– Не сейчас, Громов, – сказала она. – Дай людям спокойно повеселиться.

– А я что? – обиделся Громов. – Я только посмотрел.

– Знаем мы твои «посмотрел», – проворчал Чих. – Потом начнёшь выстукивать ритмы на всём подряд, и никто спать не сможет.

Светик сидел рядом с Саксонией (она, конечно, была с нами, и местные сразу приняли её за свою – саксофон здесь тоже уважали). Они светились дуэтом, и это было так красиво, что даже звёзды на небе начали подмигивать им в ответ.

– Светик, – спросил я шёпотом, – ты как?

– Я счастлив, Майк, – ответил он, и его свечение стало нежно-розовым. – Здесь так много музыки, так много добрых людей. И Саксония рядом. Мне кажется, я никогда не был так счастлив.

– А помнишь, как ты был программой уничтожения? – подколот Павлик.

– Помню, – Светик вздохнул, и его свечение на секунду стало грустным, синеватым. – Но это было в прошлой жизни. Теперь я – это я. И я люблю пирожки и музыку.

– Молодец, – похвалила бабушка. – Правильные ценности.

Когда костёр начал догорать, Лада под села к нам поближе и заговорила уже не песней, а обычным голосом (оказывается, они умели и так, просто предпочитали петь).

– Знаете, – сказала она тихо, чтобы не привлекать внимания, – а ведь скоро у нас большой фестиваль. Самый большой в галактике. Съедутся музыканты со всей вселенной. Рокеры, поп-звёзды, джазмены, классики, любители попсы, а капелла, мюзикл, блюз, симфо-металл... все-все-все.

– Ничего себе, – присвистнул Павлик. – Это ж сколько народу будет?

– Тысячи, – вздохнула Лада. – И каждый считает свой жанр лучшим. Боюсь, как бы они не перессорились. В прошлый раз, когда они собирались, полгалактики разнесли. Рокеры крушили колонки, поп-звёзды бились микрофонами, джазмены дули друг в друга саксофонами, классики дирижировали этим безобразием, а любители попсы просто танцевали на руинах.

– И чем кончилось? – спросил Громов, который уже достал блокнот и делал пометки (видимо, стратегические).

– Хорошо, что Созидатели вмешались. Восстанавливали потом год. Но Созидатели теперь на пенсии, с дядей Васей в шахматы играют. Сами понимаете, помощь не скоро придёт.

Мы переглянулись. В воздухе повисло то самое напряжение, которое всегда предшествует большим приключениям.

– Война жанров, – задумчиво произнёс я. – Звучит как название для фильма.

– Или для катастрофы, – добавил Громов.

– Ничего, – успокоила бабушка, поглаживая свою сумку с пирожками. – У нас есть пирожки. А пирожки, как известно, мирят даже самых заклятых врагов. Помните, как мы рокеров утихомирили?

– Помним, – кивнул Павлик. – Они потом три дня ходили и просили добавки.

Лада посмотрела на нас с надеждой:

– Вы останетесь до фестиваля? Поможете? Нам очень нужен кто-то, кто сможет всех помирить.

– Останемся, – пообещал я, чувствуя, как внутри загорается знакомый азарт. – Раз такое дело. Поможем, чем сможем. Правда, Светловы?

– Правда! – хором ответили все, даже Жуза, которая до этого мирно спала у костра, вдруг гавкнула и завиляла хвостом.

– Вот и славно, – улыбнулась Лада. – А сейчас отдыхайте. Завтра будет трудный день. Начнут прибывать первые гости.

Мы устроились на ночлег в тереме, который нам выделили. Дед долго возился с кофеваркой, пытаясь объяснить ей, что здесь другие частоты, но она только мигала золотистым и играла «Калинку-малинку».

– Она говорит, что ей здесь нравится, – перевёл Светик. – И что завтра будет весело.

– Весело – это хорошо, – проворчал Громов, забираясь на лавку. – Главное, чтобы не слишком весело.

– Громов, не каркай, – сказала бабушка.

– Я не каркаю, я предупреждаю. Это разные вещи.

За окнами терема всё ещё пели звёзды, и где-то вдалеке слышалась народная мелодия. Мы засыпали под этот аккомпанемент, и каждому снилось что-то своё. Павлику снилось, что он играет на балалайке перед тысячами зрителей и никто не убегает. Ане снилось, что она записывает всё в дневник и её записи становятся бестселлером. Громову снилось, что он наконец научился петь и теперь может ворчать в ритме. А мне снилось, что мы снова вместе, и это самое главное.

Мы и не подозревали, во что ввязываемся. Фестиваль, который должен был объединить все жанры, едва не разнёс галактику на куски. Но это уже совсем другая история.

История, которая начиналась прямо сейчас, с первыми лучами местного солнца, которое тоже, кажется, пело.

Глава 2. Знакомство с традициями

(или Как мы чуть не утонули в хороводе и полюбили народную музыку)

«Знакомство с новой культурой – дело ответственное. Особенно если эта культура – русский народный фольклор в масштабах целой галактики. Тут тебе и хороводы, в которых можно потеряться на неделю, и частишки, от которых уши в трубочку сворачиваются, и былины, длящиеся по три дня. Но Светловы не были бы Светловыми, если бы не вписались в любой коллектив. Даже если этот коллектив – тысяча поющих балалаечников.» – Из дневника Михаила Светлова

Первую неделю мы просто осваивались. Лада и Садко взяли над нами шефство и знакомили с местными традициями. Это было похоже на очень весёлый и шумный экскурсионный тур, только без автобуса и с бесконечным количеством музыки.

– Это у нас называется «поющий посад», – объясняла Лада, показывая город. – Каждый дом строится так, чтобы его резонанс совпадал с голосом хозяина. Когда все поют вместе, получается гармония. Видите вон тот терем с петушком на крыше?

Мы посмотрели. Терем был расписной, с резными наличниками, и из него доносился низкий, бархатистый бас.

– Там живёт наш главный бас, дядя Микула. Он может петь так низко, что у соседей посуда звенит. А вон тот, синий, с высокой крышей – там тенор, тётя Марфа. Она поёт так высоко, что птицы падают в обморок.

– А вон тот, зелёный? – спросил Павлик, указывая на покосившийся домик на окраине.

– А, это... – Лада замялась. – Это наш диссонанс. Там живёт Кузьма. Он вообще петь не умеет. Только мычит. Но мы его всё равно любим. Он хорошо пирожки печёт.

– Как я, – гордо сказал Громов. – Тоже мычу, но пирожки уважаю.

Мы зашли в дом к Микуле. Внутри было уютно, пахло деревом и травами. На стенах висели расшитые рушники, в углу стояла огромная печь, а на лавках сидели дети и учились играть на свистульках.

– А это наша школа, – пропела Лада. – Здесь дети учатся петь, играть и понимать музыку. Без этого они не могут стать полноценными членами общества.

– А если кто-то не умеет петь? – спросил Павлик, косясь на Громова.

– Не умеет петь? – Лада округлила глаза. – Такого не бывает. Каждый умеет петь. Просто не все нашли свой голос.

– А если человек мычит?

– Значит, его голос – мычание. Тоже музыка. У нас есть специальные песни для мычащих. Хотите послушать?

Павлик быстро замотал головой, но Громов, к нашему удивлению, заинтересовался:

– А ну-ка, покажите.

Дети на свистульках засвистели, а Лада запела что-то очень низкое, горловое, с переливами. Громов слушал, раскрыв рот.

– Это же... это же почти как я, – прошептал он. – Только у них получается красиво, а у меня...

– А у вас душевно, – утешил Чих. – Душевность важнее красоты.

На улице мы увидели огромный хоровод. В нём кружились сотни существ – от мала до велика, от людей до инопланетян, от пушистых до чешуйчатых. Они двигались плавно, но с такой энергией, что воздух вокруг вибрировал.

– Хотите попробовать? – спросила Лада.

– А можно? – обрадовалась Аня.

– Конечно. Вставайте в круг.

Мы встали. Чих устроился у меня на плече и шептал инструкции:

– Три шага вперёд, два назад, поворот, притоп, снова вперёд... Главное – слушать ритм и не сбиваться. И стараться не наступать соседям на ноги. У них это считается дурным тоном.

Первые пять минут мы только и делали, что сбивались. Павлик наступил на ногу какому-то бородатому гусяру, который только крикнул и продолжил петь. Громов, пытаясь выполнить притоп, чуть не упал и рассыпал папиросы. Аня путалась в шагах и краснела. Светик светил неровно, потому что волновался.

Но бабушка, к удивлению всех, схватывала на лету. Она двигалась плавно, уверенно, и уже через десять минут вписалась в общий ритм так, будто всю жизнь только и делала, что водила хороводы.

– Зина, ты где так научилась? – удивился дед, который тоже пытался, но получалось у него не очень.

– В молодости на гулянках, – ответила она. – Не всё ж тебе по кофеваркам лазить. Мы, бывало, с подружками такие хороводы водили – закачаешься!

– А я и не знал, – обиженно сказал дед.

– Ты много чего не знал, – усмехнулась бабушка. – Вот, например, знаешь ли ты, что я на гитаре играю?

– На гитаре? – дед аж остановился. – Зина, ты меня сегодня убьёшь.

– Не сегодня, – успокоила бабушка. – Завтра. А сегодня давай хоровод водить.

Светик, который сначала просто светился в такт, вдруг начал менять цвета – ярче на шаг вперёд, тусклее на шаг назад. Это помогало держать ритм. Чих подсказывал, Павлик старался не наступать на ноги, Громов... ну, Громов делал вид, что у него получается.

Через полчаса мы уже вполне сносно двигались в хороводе. А через час – пели вместе со всеми.

– Во поле берёза стояла, во поле кудрявая стояла... – выводили мы, и это звучало почти правильно.

– У вас талант, – пропела Лада, когда хоровод закончился и мы, уставшие, но довольные, повалились на лавки. – Вы настоящие народные певцы.

– Спасибо, – смутилась Аня. – Мы старались.

После хоровода был пир. Мы познакомились с местными жителями поближе. Был здесь и Садко – гусяр, который играл так, что даже камни пускались в пляс. Была и Марфа – мастерица частушек, которые могла сочинять на ходу про всё что угодно. Был и Микула – силач, который мог поднять любую тяжесть, но при этом пел таким нежным тенором, что все плакали.

– А спойте про нас! – попросил Павлик Марфу.

Марфа улыбнулась, поправила платок и тут же сочинила:

– Ой, Светловы, гости наши,

Вы отведайте-ка каши,

А потом пирожки с капустой,

Чтобы в доме было пусто!

Не пусто, а очень сытно,

И на сердце так приятно,

Что приехали вы к нам,

Поиграли по утрам!

Мы хохотали и хлопали. Даже Громов улыбнулся, хотя обычно на частушки реагировал с подозрением.

– А вы можете про Громова? – спросил Павлик, подмигивая.

– Легко, – ответила Марфа и запела:

– Ой, Громов наш дорогой,

С пирожком и с бородой,

Ты не пой, а только слушай,

И пирожки свои кушай!

Громов покраснел (насколько может покраснеть старый спецгент) и замахал руками:

– Ну хватит, хватит! А то я сейчас стрелять начну.

– Из чего? – удивилась Марфа.

– Из бластера, – гордо сказал Громов, доставая оружие.

– А у нас бластеры не в почёте, – покачала головой Марфа. – У нас всё решается песнями. Хочешь, споём дуэтом?

Громов задумался. Потом убрал бластер и сказал:

– А давайте. Только вы запевайте, а я подхватчу. Но предупреждаю: у меня слуха нет.

– Не страшно, – улыбнулась Марфа. – Душа есть – всё остальное приложится.

И они запели. Вернее, Марфа пела, а Громов мычал рядом, но почему-то это звучало гармонично. Мы слушали и удивлялись.

– Чих, – спросил я шёпотом, – это как?

– Это магия, – ответил Чих. – Место такое. Здесь даже фальшь звучит красиво.

Вечером, когда мы сидели у костра и слушали былины в исполнении Садко, Светик тихонько спросил у меня:

– Майк, а у них есть любовные песни?

– Конечно, есть. А что?

– Просто... мне кажется, я бы спел одну. Если бы умел.

– Ты умеешь. Ты же поёшь, когда светишься.

– Это не считается. Это просто свет.

– Свет – это тоже песня. Самая главная.

Светик задумался. Потом засветился особенно ярко и нежно, переливаясь розовым и голубым.

– Я понял, – сказал он. – Спасибо.

А костёр трещал, и Садко пел былинку о том, как русский богатырь победил дракона и женился на прекрасной царевне. И всем казалось, что эта былина – про каждого из нас.

Глава 3. Прибытие рокеров

(или Как нас чуть не сдуло звуковой волной, а Светик чуть не погас навсегда)

«Если вы думаете, что народная музыка – это тихо и скучно, вы просто не слышали, как рокеры с планеты Хэви-Металл пытаются перекричать хоровод. Они прилетели на фестиваль с гитарами-монстрами, усилителями размером с дом и твёрдым убеждением, что настоящая музыка должна быть громкой. Очень громкой. Настолько громкой, что у Светика свечение пошло волнами, а у Громова усы закрутились в спираль. Бабушка сказала: «Ничего, пирожками всё исправим». Спойлер: она оказалась права. Но сначала нам пришлось пережить несколько очень громких минут, которые показались нам вечностью. И если бы не Светик, который своим телом прикрыл местных детей от звуковой волны, всё могло бы закончиться совсем по-другому.» – Из дневника Михаила Светлова

Утро третьего дня нашего пребывания в галактике Ладога началось не с петухов (здесь петухи тоже пели, но делали это в ритме народных песен, выводя сложные рулады), а с необычного гула. Сначала мы подумали, что это просто местные настраивают басы, но гул нарастал, становился всё ниже и мощнее, пока не превратился в настоящий рокот, от которого задрожали стёкла в теремах, а в чашках с недопитым чаем пошли круги.

– Что это? – встревожилась Аня, выглядывая в окно и поправляя очки, которые от вибрации съезжали на нос. – Землетрясение? Ураган? Конец света?

– Похоже на турбины космического корабля, – определил Громов, хватаясь за бластер и одновременно пытаясь застегнуть бронежилет, который он, к счастью, не снимал даже во сне. – Очень большого корабля. Судя по звуку, класса «дредноут». Может, даже тяжелее.

– Вы что, по звуку определяете класс корабля? – удивился Павлик, выбегая из комнаты с балалайкой в одной руке и штанами в другой (он не успел одеться как следует).

– Двадцать лет службы, – пожал плечами Громов, поправляя кобуру. – Научишься не только класс, но и модель по шагам десантников отличать. И даже настроение экипажа по тону двигателей.

– И какое у них настроение? – спросил я, чувствуя, как внутри закипает тревога.

– Агрессивное, – коротко ответил Громов. – Очень агрессивное. Такие двигатели обычно включают перед атакой.

Мы выбежали на площадь и замерли. Небо над Ладогой потемнело – огромный чёрный корабль в форме гитары (настоящей электрогитары, с грифом, колками и даже медиатором

вместо носовой части) завис прямо над городом. От него исходило такое мощное электромагнитное поле, что у Чиха шерсть встала дыбом и начала потрескивать статическим электричеством. Из динамиков, вмонтированных в обшивку, гремели такие мощные аккорды, что у Светика свечение пошло волнами – от ярко-белого до глубокого фиолетового, а потом обратно.

– Это рокеры, – спокойно сказала Лада, выходя на крыльцо Дома Звука с видом человека, который видел всё и даже больше. В её голосе не было страха, только усталая обречённость. – С планеты Хэви-Металл. Они каждый год прилетают на фестиваль и пытаются всех перекричать. В прошлый раз разбили полгорода. Ремонтировали потом полгода.

– А в этот? – спросил Громов, прикидывая, хватит ли его бластера против такого корабля.

– Посмотрим. – Лада вздохнула. – Может, обойдётся. Хотя судя по громкости, они сегодня особенно злые.

Корабль начал снижаться. Воздух дрожал, стёкла в теремах звенели, а одна из наличниц, не выдержав, слетела с окна и разбилась о мостовую. Местные жители, которые ещё минуту назад мирно шли по своим делам, бросились врассыпную, прячась по домам. Только несколько самых смелых (или самых глупых) остались на площади, глаза на невиданное зрелище.

– Назад! – крикнул им Громов, размахивая руками. – Спрячьтесь! Сейчас здесь будет жарко!

Но было поздно. Корабль приземлился на главной площади, чудом не задев ближайšie терема. От удара о землю поднялась такая пыль, что мы закашлялись и потеряли друг друга из виду на несколько секунд. Когда пыль осела, мы увидели, что корабль занял почти четверть площади, подмяв под себя несколько скамеек и цветочных клумб.

Люк открылся с шипением, и из него начали выгружаться... существа. Огромные, покрытые чешуёй, с горящими красными глазами и длинными гривами, похожими на спутанные электрические провода, которые искрили при каждом движении. У каждого в руках была гитара – но не простая, а с лазерными струнами и шипами на грифе. Барабанщик тащил за собой установку размером с небольшой автобус, и каждый шаг отдавался в груди тяжёлым ударом, от которого, казалось, сердце пропускало такт.

– Ничего себе, – прошептал Павлик, прижимая балалайку к груди как щит. – Они же огромные. И страшные.

– Не страшные, а грозные, – поправил Чих, который, несмотря на страх, старался сохранять научный подход. – Это важное различие. Страшное вызывает ужас, а грозное – уважение. Хотя уважения они пока не заслужили.

Впереди шёл их предводитель – самый огромный, с гитарой в форме дракона, из пасти которого вырывались языки пламени (буквально, настоящий огонь). Он был выше всех остальных, его чешуя переливалась чёрным и красным, а глаза горели таким ярким пламенем, что на них больно было смотреть. Он подошёл к Ладе, которая стояла на крыльце с каменным лицом, и зарычал голосом, похожим на звук циркулярной пилы, которой пытаются распилить железобетонную плиту:

– Где этот ваш фольклорный фестиваль? Мы пришли показать вам, что такое настоящая музыка!

Чих, который успел спрятаться за мою ногу (его пушистое тельце дрожало так, что я чувствовал эту дрожь даже через штаны), дрожащим голосом переводил:

– Он говорит... что их музыка самая мощная... и что все остальные жанры должны уйти... или они разнесут тут всё к... ну, вы поняли. К бабушке. Не к нашей, а к той, которая с большой буквы.

– А вежливости их не учили? – возмутилась бабушка, выходя вперёд с половником наперевес. Она была на голову ниже этого рокера, но смотрела на него с таким вызовом, что даже дракон на гитаре, кажется, притих.

Лада, не теряя достоинства, вышла вперёд и запела приветственную песню. Мелодия была красивой, плавной, успокаивающей – такая, под которую хочется закрыть глаза и представить берёзовую рощу, журчание ручья и пение соловья. Но рокер только рассмеялся – его смех звучал как раскаты грома во время урагана.

– Это что за писк? – прорычал он. – Настоящая музыка звучит вот так!

Он ударил по струнам. Раздался такой мощный аккорд, что нас буквально сдуло на несколько метров назад. Павлик кубарем покатился по площади, чудом удержав балалайку, но потеряв тапок. Громов вцепился в перила крыльца и закрипел зубами так, что они, кажется, стёрлись на пару миллиметров. Аня прижалась к стене, закрыв уши руками. А у Светика свечение пошло такими волнами, что он стал похож на дискотечный шар в режиме «апокалипсис» – красный, синий, зелёный, фиолетовый сменяли друг друга с бешеной скоростью.

– Светик! – закричала Аня. – С тобой всё в порядке?

– Я... я не знаю, – простонал Светик, и его свечение стало мерцать, как перегорающая лампочка. – Меня как будто разрывают на части. Эта музыка... она не гармонирует со мной. Она меня убивает.

– Держись! – крикнул Павлик, подбегая к нему. – Мы что-нибудь придумаем!

Но рокеры не останавливались. Они высыпали на площадь и начали настраивать инструменты. Звук стоял невообразимый – гитарные риффы смешивались с грохотом барабанов, и всё это усиливалось колонками, от которых дрожала земля. Местные жители попрятались по домам, только самые смелые выглядывали из окон, но и те быстро закрывали ставни, не выдерживая мощи.

– Они что, собираются здесь играть? – закричал Павлик, зажимая уши и одновременно пытаясь поддержать Светика, который уже почти не светился.

– Похоже на то, – ответил Чих, который, несмотря на страх, пытался анализировать ситуацию. – И если они начнут, народная музыка умрёт. Её просто не будет слышно. А если её не будет слышно, она исчезнет. А если она исчезнет, то эта галактика потеряет свою душу. И Светик... Светик может не выдержать. Его частота не совместима с таким жёстким звуком.

– Хватит, – перебил я. – Мы поняли. Надо что-то делать. Громов, твой бластер поможет?

– Мой бластер против такого корабля? – Громов горько усмехнулся. – Это как из рогатки по танку. Но если подойти поближе и вырубить их главного...

– Нет, – твёрдо сказала бабушка. – Никакой стрельбы. Они не враги, они просто... заблудшие души. Которые не знают, что такое настоящая музыка. Им нужно помочь, а не убивать.

– Бабушка, ты с ума сошла? – воскликнул Громов. – Они же сейчас всё разнесут!

– Ничего, – сказала бабушка, и в её голосе появилась та стальная нотка, которая заставляла замолкать даже самых буйных. – У меня есть пирожки. А пирожки, как известно, творят чудеса.

Она уже доставала из сумки тарелку. Мы с удивлением смотрели, как она, не обращая внимания на грохот и вибрацию, спокойно идёт прямо к предводителю рокеров, который как раз разминал пальцы, готовясь к очередному, ещё более мощному аккорду.

– Угощайся, милый, – сказала она ласково, как будто разговаривала с провинившимся внуком, который только что разбил окно мячом. – Может, закусить хочешь перед концертом? А то голодный рокер – злой рокер. А сытый – добрый. Проверено.

Рокер замер. Он смотрел на эту маленькую женщину с половником и тарелкой пирожков с таким изумлением, что даже огонь в его глазах на секунду погас. Потом он перевёл взгляд на пирожки. Они лежали на тарелке, румяные, аппетитные, от них поднимался пар, и запах... запах разносился по всей площади, перебивая даже запах озона от электроинструментов.

– Что это? – спросил он, и голос его потерял часть своей громоподобности.

– Пирожки, – ответила бабушка. – С капустой. Бери, не стесняйся.

Рокер посмотрел на пирожок с подозрением. Он взял его двумя пальцами (они у него были размером с мою руку), понюхал и откусил. И случилось чудо.

Глаза рокера, которые до этого горели красным пламенем, начали менять цвет. Сначала стали оранжевыми, потом жёлтыми, потом... голубыми? Он замер, пережёвывая, и вдруг по его лицу расползлась улыбка. Самая настоящая, почти добрая улыбка, от которой даже его драконья гитара, кажется, довольно заурчала.

– Что это? – спросил он, и голос его стал почти человеческим. – Я никогда ничего подобного не пробовал. Это... это как соло Джими Хендрикса, только съедобное. Это как если бы все ноты вдруг стали вкусом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.